

Яков Михайлович Захер
К ВОПРОСУ О ЗНАЧЕНИИ ВЗГЛЯДОВ «БЕШЕНЫХ»
В ПРЕДЫСТОРИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

В сб. «ИСТОРИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ УЧЕНИЙ»
М.: изд-во Академии Наук СССР. 1962. С.112-148

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm
Ссылки на материалы по теме даны нами в конце статьи.

На огромную роль, сыгранную плебейскими массами в ходе Великой Французской буржуазной революции, классики марксизма-ленинизма указывали неоднократно. Так, например, К. Маркс писал, что «господство террора во Франции... ударами своего страшного молота» стерло «все феодальные руины», тут же подчеркивая, что «буржуазия с ее трусливой осмотрительностью не справилась бы с такой работой в течение десятилетий»¹. Не менее решительно высказывался Ф. Энгельс в письме к К. Каутскому от 20 февраля 1889 г.: «...только... плебеи и совершили революцию»². В. И. Ленин вслед за Энгельсом пришел к выводу, что «только вмешательство крестьянства и пролетариата, «плебейского элемента городов», способно серьезно двигать вперед буржуазную революцию»³.

Однако, как ни важна роль, сыгранная плебейскими массами и их авангардом — группой «бешеных» — в ходе революции 1789—1794 гг., когда именно воздействие этих масс на якобинцев заставило последних пойти на применение того, что Маркс называл «плебейскими методами» буржуазной революции, историческое значение «бешеных» этим отнюдь не ограничивается. Наряду с непосредственным влиянием, оказанным «бешеными» на ход самой революции, не меньшее значение имел вклад, сделанный ими в сокровищницу *идей*. Оценку этого вклада дал К. Маркс в «Святом семействе»:

«...Французская революция породила идеи, выводящие за пределы *идей* всего старого мирового порядка. Революционное движение, которое началось в 1789 г. в *Cercle social*, которое в середине своего пути имело своими главными представителями *Леклерка* и *Ру* и, наконец, потерпело на время поражение

* Настоящая статья является расширенным текстом доклада, сделанного на заседании группы по изучению истории социалистических идей 23 марта 1960 г.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 299.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., 1953, стр. 408.

³ В. И. Ленин. Соч., т. 15, стр. 43—44.

вместе с заговором *Бабефа*, — движение это породило коммунистическую идею, которая после революции 1830 г. снова введена была во Франции другом *Бабефа*, *Буонарроти*. Эта идея, при последовательной ее разработке, есть *идея нового мирового порядка*»⁴.

К сожалению, несмотря на всю категоричность этого суждения К. Маркса, несмотря на то, что оно было известно уже с 1845 г. (с выхода в свет «Святого семейства»), буржуазная и правосоциалистическая историография всячески игнорировала, либо принижала роль, сыгранную в революции 1789—1794 гг. плебейскими массами и их идеологами. Жан Жорес, Генрих Кунов и Альбер Матьез утверждали, что, несмотря на всю субъективную революционность «бешеных», объективно их взгляды являлись якобы реакционными, так как они были направлены против дальнейшего развития капитализма, в ту эпоху игравшего прогрессивную роль⁵.

Под влиянием ошибочных положений этих авторов находились в 20-е годы и некоторые советские историки — автор настоящей статьи⁶, С. М. Моносов⁷ и другие. В то же время Ц. Фридлянд ошибочно утверждал, что «идеи, высказанные Жаком Ру, являются лишь частью якобинской идеологии. В них нет ничего, что было бы им чуждо»⁸. Влияние Жореса, Кунова и Матьеза сказывается еще и в настоящее время на некоторых, вообще говоря, чрезвычайно ценных трудах зарубежных историков-марксистов⁹.

Наряду с Жоресом, Куновым и Матьезом, заметное вредное влияние на историографию «бешеных» оказали также русский анархист П. А. Кропоткин и французский троцкист Даниель Герэн. Первый из них рассматривал «бешеных» как предшественников анархизма и вместе с тем находил в их взглядах как-то «коммунизм потребления», который якобы «превосходит социализм сороковых годов и его позднейших последова-

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 132.

⁵ См., например, Jean Jaurès. Histoire socialiste de la Révolution Française, éd. A. Mathiez, t. VII, p. 48; t. VIII, p. 158—159, 165—166 и др.; Г. Кунов. Борьба классов и партий в Великой Французской революции, 1923, стр. 561—565; A. Mathiez. La Révolution Française, t. III, 1927, p. 31; А. Матьез. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора. М., 1928, стр. 211, 218 и др.

⁶ См. Я. М. Захер. «Бешеные». Л., 1930, стр. 33—35.

⁷ С. Моносов. Очерки по истории якобинского клуба. Харьков, 1928, стр. 14.

⁸ Ц. Фридлянд. Классовая борьба в июне — июле 1793 г. «Историк-марксист», 1925, т. I, стр. 52, 81; т. II, стр. 195.

⁹ A. Soboul. Les sans-culottes parisiens en l'an II. Histoire politique et sociale des Sections de Paris. 2 juin 1793—9 thermidor an II. Paris, 1958, p. 240, 246 и др.; G. Rudé. Les ouvriers parisiens dans la Révolution Française. «La Pensée», 1953, N 48—49.

телей»¹⁰. Герэн в своей вышедшей в 1946 г. двухтомной книге «Классовая борьба при Первой республике. Буржуа и люди физического труда», в которой революция 1789—1794 гг. трактуется под углом зрения теории «перманентной революции», рассматривал эту революцию как «сосуществование» буржуазной революции с «эмбрионом революции пролетарской»¹¹. При этом, согласно обычному троцкистскому канону, все классы тогдашней Франции как «единая реакционная масса» противопоставляются «bras-nus», т. е. людям физического труда, а идеологи этих последних — «бешеные» — рассматриваются как «слишком рано пришедшие провозвестники пролетарской революции»¹².

Как пример отрицательного влияния, оказанного концепциями Кропоткина и Герэна, можно взять книгу французского историка Мориса Домманже «Жак Ру (красный священник) и манифест «бешеных»»¹³. В значительно меньшей степени, чем у Домманже, но все же явственно сказывается влияние Кропоткина и в положении историка-марксиста ГДР Вальтера Маркова, будто Жак Ру стремился к конфискации имущества всех богатых как таковых, независимо от источника накопления их богатств, что, как известно, отнюдь не соответствует исторической действительности¹⁴.

Рассмотренные выше ошибочные концепции в конце концов были преодолены в советской историографии, и в 40—50-е годы советские историки в общем и целом разрешили проблему исторической роли «бешеных»¹⁵. Настоящая статья, не затрагивающая вопроса о роли, сыгранной «бешеными» в ходе событий Великой Французской буржуазной революции, а лишь посвященная оценке исторического значения высказанных ими идей, и ставит своей задачей резюмировать выводы, которые ныне могут считаться общепринятыми по этому вопросу в марксистско-ленинской историографии Великой Французской буржуазной революции.

¹⁰ П. А. Кропоткин. Великая Французская революция. М., 1918, стр. 486.

¹¹ Daniel Guérin. La lutte des classes sous la première République. Bourgeois et «bras-nus», t. I. Paris, 1946, p. 5, 9—10.

¹² Ibid., t. II, p. 250—256.

¹³ M. Dommanget. Jacques Roux (le curé rouge) et le Manifeste des Enragés. Paris, s. d., p. 13, 27—28, 80—81.

¹⁴ W. Markov. Zu einem Manuskript von Jacques Roux. «Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx Universität Leipzig», 1958—1959, Gesellschafts- und Sprachenwissenschaftliche Reihe, H. 2, S. 302—303.

¹⁵ Как на примеры правильного разрешения вопроса о «бешеных» можно указать на коллективный труд «Французская буржуазная революция 1789—1794 гг.», под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле (М., 1941), книгу А. З. Манфреда «Великая французская буржуазная революция» (М., 1956).

Для понимания наиболее характерных черт мировоззрения «бешеных» необходимо постоянно помнить, что, как это может считаться общепризнанным в современной марксистской историографии¹⁶, они являлись выразителями интересов не индустриального пролетариата и даже не его прямого предшественника — мануфактурного предпролетариата, а очень сложного по своему составу конгломерата, именуемого «плебейством» или «санкюлотами». В состав плебейских масс французских городов XVIII в., наряду с предпролетариями — наемными рабочими мануфактур и ремесленными подмастерьями и учениками — входили также не эксплуатировавшие чужого труда мелкие ремесленники и торговцы, низы трудовой интеллигенции, мелкие рантие, люмпен-пролетарии и т. д. Не говоря уже о том, что эти плебеи в целом отнюдь не составляли самостоятельного класса, даже их наиболее передовое предпролетарское ядро было еще очень далеко от того, чтобы стать «классом для себя». Ф. Энгельс писал в «Анти-Дюринге»: «Пролетариат, едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием...»¹⁷. В письме к К. Каутскому 20 февраля 1889 г. Энгельс дал следующую характеристику стремления плебеев в период Великой французской буржуазной революции: «Формула „благосостояние для всех на основе труда“ выражает чересчур определенно стремления тогдашнего плебейского братства. Чего они хотели, никто сказать не мог до тех пор пока... Бабеф не придал этому определенную форму»¹⁸.

При таком характере плебейских масс является вполне очевидным, что взгляды выразителей интересов этих масс — «бешеных» — никак не могли иметь форму мало-мальски законченной идеологии, так как они отражали интересы группы людей, еще не сложившейся в «класс для себя». Не только в своих основных истоках, но и в ряде практических своих положений воззрения «бешеных» исходили и не могли не исходить из теорий виднейших представителей буржуазного «просветительства» XVIII в., и в частности его демократического крыла. Лишь в тех областях жизни, где специфические интересы плебейских масс в большей или меньшей степени сталкивались с интересами не только крупной, но даже мелкой буржуазии,

¹⁶ См., например, А. З. Манфред. Указ. соч., стр. 177—179 и др.; С. Л. Сьтин. Борьба плебейских масс Парижа во главе с Ру и Леклером за удовлетворение своих социально-экономических требований в июле — сентябре 1793 г., «Уч. зап. Ульяновского гос. пед. ин-та им. И. Н. Ульянова», вып. VIII, 1956; A. Soboul. Op. cit., p. 1029—1031; G. Rude. Op. cit., и т. д.

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 269.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XXVIII, стр. 82.

сознание этих масс, а значит, и их представителей, могло получить характер, отличный от идеологии якобинской революционной буржуазии. Поиски таких моментов мы начнем с анализа политических взглядов «бешеных».

«Всякая классовая борьба есть борьба политическая», а поэтому та классовая борьба, которую плебейские массы Франции времен революции 1789—1794 гг. поочередно вели с дворянством, крупной и мелкой буржуазией, неизбежно должна была не только привлекать внимание этих масс к проблемам политического порядка, но и накладывать своеобразный отпечаток на самое решение этих проблем.

Правда, в истоках своих политические взгляды «бешеных», как и политические воззрения якобинцев, исходят из учения Руссо о народном суверенитете и, в частности, из того известного места «Общественного договора», где говорится: «Суверенитет не может быть предоставляем по той же самой причине, по которой он не может быть отчужден... Он по существу своему заключается в общей воле, а воля не может быть предоставляема: она та или не та, а середины быть не может. Поэтому депутаты народа не являются и не могут являться его представителями; они только его уполномоченные и не могут ничего решить окончательно» (курсив наш.— Я. З.)¹⁹.

Сделав из этой посылки в отношении маленьких государств вывод в пользу прямого народоправства²⁰, да и то с оговоркой, что нельзя собирать народ по всякому поводу²¹, Руссо в отношении больших государств высказывается в пользу того, что он называет «избирательной аристократией»²², и полагает, что «благонамеренные правители» всегда смогут, и не собирая народ, определить общую волю, так как она всегда «за то мнение, которое наиболее благоприятно для общественных интересов... Таким образом, чтобы определить общую волю, достаточно быть справедливым»²³. Это означало, что, высказавшись в теории против представительной системы, Руссо на практике ее все же расценивал как наилучшую для обширного государства.

Как известно, якобинцы вполне восприняли это противоречивое положение своего учителя. В этом отношении ярчайшим примером может служить их главный теоретик — Сен-Жюст, который в теоретической части своей речи о конституции 24 апреля 1793 г. утверждал: «...когда я говорю о народном представительстве, я не имею в виду представительства суверенитета»²⁴.

¹⁹ J.-J. Rousseau. Du contrat social, livre III, chap. XV «Oeuvres complètes de J.-J. Rousseau», t. IV. Paris, 1839, p. 385.

²⁰ Ibid., p. 387; livre III, chap. IV (ibid., p. 363).

²¹ J.-J. Rousseau. De l'économie politique (ibid., t. IV, p. 229); idem. Du contrat social, livre III, chap. IV (ibid., p. 363).

²² J.-J. Rousseau. Du contrat social, livre III, chap. V (ibid., p. 364—365).

²³ J.-J. Rousseau. De l'économie politique (ibid., p. 230—231).

²⁴ «Archives parlementaires», I série, t. LXIII, p. 204.

Это не помешало ему, однако, в предложенном им проекте конституции утверждать, что конституция Франции должна быть представительной, и рассматривать Национальное собрание как народное представительство, ничем не ограничивая при этом понятия представительства²⁵.

Совершенно иным был ход рассуждений «бешеных» и представляемых ими плебейских масс: они в своем понимании народного суверенитета и принципа его неотчуждаемости последовательно и прямолинейно придерживались не только приведенного выше положения главы XV третьей книги «Общественного договора», но и того места из этой же главы, где Руссо критикует политический строй Англии: «Представляемый народ не может быть свободным... Народ, не применяя столь широко титул твоего представителя... Твои должностные лица являются всего только твоими уполномоченными».

Именно исходя из этих положений во время выборов в Национальный конвент парижская секция Бонди 27 августа 1792 г. заявляла, что «суверенный народ не должен передавать кому бы то ни было тех своих прав, осуществлять которые он легко может сам»²⁶, а 1 сентября секция Пуассоньер утверждала, что «суверенный народ имеет право предписывать своим уполномоченным линию, которой они должны придерживаться»²⁷.

Прямым выводом из этого положения о праве суверенного народа давать своим представителям обязательные для них наказания должен был явиться принцип, согласно которому народ вправе отзывать своих уполномоченных, не выполняющих этих наказов. И действительно, в то время как якобинская конституция 1793 г. в своей статье 43-й устанавливала принцип парламентского иммунитета и даже не допускала мысли о возможности отзыва депутатов их избирателями, плебейские массы в этом вопросе стояли на прямо противоположной точке зрения. Уже 25 августа 1792 г. секция Бонн-Нувелль призвала все секции Парижа «напомнить своим делегатам (т. е. выборщикам в департаментском избирательном собрании.— Я. З.) о принадлежащем им неотъемлемом праве лишать своих избранников их мандатов и призывать их к выполнению данных им указаний»²⁸. 18 сентября секция Прав Человека (секция Варле) заявила, что она оставляет за собой право отзывать депутатов, «которые при исполнении своих обязанностей дадут основание подозревать их в неблагонадежности (incivisme)»²⁹. Этому примеру последовали и некоторые другие секции Парижа, и под их непосредственным давлением париж-

²⁵ Ibid., p. 205.

²⁶ Цит. по статье: A. Soboul. Aspects politiques de la démocratie des sans-culottes en l'an II. «La Pensée», 1957, № 71, p. 23.

²⁷ Цит. по кн.: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens..., p. 519.

²⁸ Цит. по: ibid., p. 522.

²⁹ Цит. по: ibid., p. 522.

ское избирательное собрание в том же сентябре 1792 г. приняло предложение секции Рынка «провозгласить, что принцип неограниченности народного суверенитета допускает неотъемлемое право народа отзывать своих представителей каждый раз, когда он сочтет это согласным с его интересами»³⁰.

Этот же самый принцип о праве избирателей отзывать своих депутатов, столь громко провозглашенный во время выборов в Конвент, плебейские массы Парижа поддерживали и в дальнейшем. Так, в постановлении секции Четырех Наций от 10 марта 1793 г., которое пытался использовать Варле, содержится требование об отзыве жирондистских депутатов, «нарушивших данные им мандаты своим голосованием о сохранении тирана и об апелляции к народу»³¹. Не говоря уже о том, что именно этот принцип как бы послужил юридическим оправданием для переворота 31 мая — 2 июня, и в дальнейшем мы встречаемся со случаями его торжественного провозглашения различными организациями не только Парижа, но и провинции. Так, например, 18 июня 1793 г. секции города Арраса потребовали удаления из Конвента пяти депутатов департамента Па-де-Кале, потерявших их доверие³². Осенью 1793 г. парижская секция Обсерватории сочла нужным еще раз напомнить, что «понятие народного суверенитета включает в себя право народа отзывать неверных депутатов и всех недостойных доверия должностных лиц»³³. Дословное выражение той же самой мысли находим мы и в обращении секции Тампля к остальным 47 секциям и народным обществам Парижа от 8 плювиоза II года (27 января 1794 г.), в котором утверждалось, что «самым священным правом свободного народа является право лишать своего доверия представителей, которых он не считает более достойными такового»³⁴. Наконец, в обращении секции Борепер к Конвенту от 20 брюмера (10 октября 1793 г.) говорилось, что право каждого народного общества на самоочищение, «если бы оно было признано на всем протяжении Республики, явилось бы завершением Революции, укрепило бы победу республиканского духа и навсегда похоронило бы антинародную гидру»³⁵.

Каково же было отношение якобинцев к этому плебейскому пониманию демократии? Если они в то время, когда это было выгодно, т. е. в период господства жирондистов, молчаливо терпели провозглашение принципов, только что нами изложенных, то

после переворота 31 мая — 2 июня они круто изменили эту позицию. На ходатайство аррасских секций Конвент реагировал простым молчанием³⁶, а после перехода к системе революционного порядка управления высказывания в духе положения о неограниченности народного суверенитета стали уже рассматриваться как контрреволюционные³⁷.

Отражением плебейского понимания принципа народного суверенитета и были политические взгляды «бешеных». В постановлении революционного комитета секции Гравилье от 8 фримера содержалось утверждение, что Жак Ру «всходил на трибуну лишь для того, чтобы говорить народу, что он суверенен, что... собравшись на общее собрание, он имеет право делать все что угодно, что его суверенитет установлен и что он имеет право судить всех своих уполномоченных»³⁸.

Этому утверждению, исходившему от открытых врагов Жака Ру, можно было бы не доверять, если бы в нашем распоряжении не имелись его собственные непосредственные высказывания, подтверждающие, что в данном случае революционный комитет секции Гравилье ни в какой мере не уклонялся от истины. В частности, в своей «Речи о суде над Людовиком последним» Жак Ру говорил:

«Деспотизм, существующий при управлении нескольких, т. е. сенаторский деспотизм, столь же страшен, как и скипетр королей, так как он стремится заковать в цепи ничего не подозревающий народ, и так как в этих случаях народ оказывается унижен и угнетен законами, *которые якобы издал он сам...* Так как осуществление суверенитета передается лишь в интересах того, кто его передает, нельзя потерпеть, чтобы глубоко развращенные законодатели... хоть на минуту забывали, что их долгом является *«справляться с волей народа, оставаться ему верными и привести его к спасению»* (курсив наш.— Я. З.)³⁹.

Совершенно аналогичных взглядов придерживался и Леклер. «Прежде всего помни,— говорит он, обращаясь к народу,— что представляемый народ не является свободным... Воля не может быть представляема, те, кого ты выбирал, могут издавать законы, только согласные с твоей волей»⁴⁰.

Идеи, которые у Жака Ру и Леклера только намечены, входят себе дальнейшее развитие у Варле. В своем «Проекте

³⁰ «Moniteur», t. XVI, p. 689.

³¹ «Народное толкование демократии, вполне соответствуя политическим интересам санкюлотов, было несовместимо с поведением и взглядами буржуазии, так как угрожало ее интересам и ее верховенству. В объективных условиях той эпохи, это противоречие могло быть разрешено только подчинением парижских секций». A. Soboul. Aspects politiques... «La Pensée», 1957, № 71.

³² Arch. Nat., F⁷ 4775³.

³³ «Discours sur le jugement de Louis de dernier...», p. 5—6. Bibl. Nat. Lb⁴⁰ 2014.

³⁴ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № XIII, p. 4. Bibl. Nat.. Lc² 704.

³⁰ Цит. по кн.: A. Soboul. Les sans-culottes parisiens..., p. 552.

³¹ Цит. по: ibid., p. 524.

³² Цит. по: ibid., p. 525.

³³ Цит. по: ibid., p. 525—526.

³⁴ Bibl. Nat., Lb. 40, 2150. Перепечатано в: «Die Sansculotten von Paris. Dokumente zur Geschichte der Volksbewegung 1793—94». Berlin, 1957, N 60.

³⁵ Arch. Nat., C 280, pl. 768, p. 6. Перепечатано: ibid., № 49.

специального и императивного мандата представителям народа в Национальном конвенте», написанном осенью 1792 г., Варле прежде всего останавливается на доказательстве того, что избираемые в Конвент депутаты должны быть снабжены специальными мандатами, следование которым должно быть для них обязательным:

«В государстве, в котором народ является всем, первым актом его суверенитета является избрать депутатов, а вторым — определить их полномочия и мандаты... Не может быть депутатов без полномочий и мандатов — этот принцип обезопасит нас от тирании законодателей, этот принцип настолько важен, что он должен быть внесен в Декларацию прав человека и гражданина»⁴¹.

Можно было бы подумать, что, устанавливая обязательность императивного мандата, Варле имеет в виду только депутатов Национального конвента, т. е. собрания, наделенного не только законодательными, но и учредительными функциями. Но дальнейшие абзацы «Проекта специального и императивного мандата» совершенно устраняют возможность подобного толкования.

«Вы прибавите, — говорит Варле, обращаясь к депутатам Национального конвента, — к Декларации прав человека следующий важный пункт: народный суверенитет заключается в том естественном праве, которое имеют граждане, объединенные в собрании, избирать без всяких посредников всех без исключения должностных лиц, обсуждать свои интересы и *определять мандаты депутатов, которых они избирают для издания законов*» (курсив наш. — Я. З.)⁴².

Подведем теперь некоторые итоги. Исходя, подобно якобинцам, из теории Руссо о народном суверенитете, «бешеные» избегают столь характерного для их учителя и его ортодоксальных учеников — якобинцев противоречия между далеко идущими теоретическими посылками и весьма скромными практическими выводами. Это достигается ими путем прямолинейного принятия всех логически вытекающих из теории неотчуждаемости народного суверенитета выводов. Следствием этого, как правильно отмечает А. Собуль, и явился «политический идеал санкюлотов, составивший нечто вроде прямой демократии, совершенно отличной от либерального понимания демократии буржуазией»⁴³.

Другим моментом, наряду с указанным выше, в котором политические взгляды «бешеных» резко отличались от взглядов якобинцев, был так называемый «женский вопрос». В самом деле, достаточно хорошо известно, что якобинцы, не исключая даже и

самых левых, были решительными противниками женского равноправия. Так, например, член Комитета общей безопасности Амар в своем докладе Конвенту 9 брюмера II года Республики безапелляционно провозглашал, что «женщина не должна выходить из пределов своей семьи и вмешиваться в вопросы управления»⁴⁴. Еще дальше заходил в этом отношении Шометт, когда в своем выступлении в Парижской коммуне 27 брюмера того же года с пафосом восклицал: «Ужасно и противно всем законам природы, когда женщина хочет превратиться в мужчину... С каких это пор считается приличным, что женщины покидают священные заботы своего хозяйства и колыбель своих детей, чтобы являться в общественные места, подниматься на ораторскую трибуну и подходить к решетке Сената (т. е. Конвента. — Я. З.)?»⁴⁵.

Совершенно иначе смотрели на вопрос о женском равноправии «бешеные». То, что это так, достаточно ясно видно из речи, произнесенной в руководимом Клэр Лакомб и Полиной Леон клубе революционных республиканок от имени делегации женщин секции Прав Человека. Вот, что мы в этой речи, между прочим, читаем: «Вы (т. е. клуб революционных республиканок. — Я. З.) порвали одно из звеньев цепи предрассудков, а именно то, которое, заключая женщин в узкую сферу их хозяйств, тем самым превращало половину человеческого рода в пассивные и изолированные существа... Почему женщины, наделенные способностью чувствовать и выражать свои мысли, должны примириться с устранением от политических дел? Ведь Декларация Прав одинакова для обоих полов...»⁴⁶

Являются ли высказанные здесь взгляды мнением одних только сторонниц клуба революционных республиканок или же на этой точке зрения стояли также и другие «бешеные»? Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно иметь в виду, что одним из виднейших руководителей той самой секции Прав Человека, от имени женщин которой выступала делегация в клубе революционных республиканок, был, как известно, не кто иной, как Варле. Более того, при обыске у Варле в сентябре 1793 г. среди его бумаг был найден экземпляр брошюры с текстом только что рассмотренного нами выступления в клубе революцион-

⁴⁴ «Archives parlementaires», t. LXIII, p. 49—51. Как известно, одним из поводов для преследований, начатых якобинцами поздней осенью 1793 г. так называемых «секционных народных обществ», явилось участие в их работе женщин, что якобы противоречило декрету о запрещении чисто женских обществ, принятому Конвентом по докладу Амара. Ср. A. Soboul. La Société fraternelle du Panthéon-Français. «Annales historiques de la Révolution Française», 1957, № 146, p. 50—51; А. Собоуль. Народные общества и парижские секции в 1793—1794 гг. «Новая и новейшая история», 1958, № 4, стр. 23.

⁴⁵ «Moniteur», t. XVIII, p. 450.

⁴⁶ «Discours prononcé à la Société des citoyennes républicaines par les citoyennes de la section des Droits de l'Homme». Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 4211.

⁴¹ «Projet d'un mandat spécial et impératif...». «Archives parlementaires», I série, t. LIV, p. 719.

⁴² Ibid., p. 721.

⁴³ A. Soboul. Classes et lutte des classes sous la Révolution Française. «La Pensée», 1954, № 53, p. 53—56.

ных республиканок⁴⁷. Таким образом, мы имеем все основания полагать, что выступление гражданок секции Прав Человека с требованием женского равноправия в большей или меньшей степени отражало взгляды и самого Варле. Что же касается Жака Ру, то он в своем письме к Пти от 23 августа 1793 г. прямо заявлял, что «наша победа будет обеспечена, если женщины войдут в среду санкюлотов»⁴⁸.

Конечно, поддерживавшееся «бешеными» требование женского равноправия выставлялось во время французской революции не впервые. В частности, такое требование фигурировало и в программе «Федерации друзей истины», созданной в начале революции при Cercle social⁴⁹. Однако состав этой организации был в своем огромном большинстве буржуазным, а уже известное нам отношение якобинцев к женскому вопросу показывает, что к 1793 г. революционная буржуазия стала открытой противницей идеи женского равноправия. Нет, разумеется, надобности доказывать, что в социально-экономических условиях Франции XVIII в. не было и не могло быть предпосылок для осуществления женского равноправия в том смысле, в каком мы сейчас понимаем этот термин. Не было их также и для осуществления той «прямой демократии», о которой мечтали «бешеные».

Более того, в условиях обостренной внешней и гражданской войны осуществление такой «прямой демократии», прямо противоречащей идее революционной диктатуры, могло только нанести революции непоправимый удар, обезоружив ее перед лицом вооруженного до зубов врага. Однако при всем том идея «прямой демократии», не только утопическая, но и прямо враждебная интересам революции в условиях того времени, при перенесении ее в будущее, на время после победы революции, получала совершенно иное, глубоко прогрессивное звучание. Кроме того, если «бешеные» после 4—5 сентября 1793 г. сделались решительными противниками революционной диктатуры, то до этого времени они явились ее убежденными сторонниками и выдвинули лозунги, которые для краткости мы, вслед за Собулем, объединяем в термине «прямая демократия», именно как средство борьбы с жирондистами и другими контрреволюционерами. Вот почему, подводя итог, следует сказать, что политические взгляды «бешеных», хотя и утопические для того времени, при их проекции в будущее оказывались более прогрессивными, чем взгляды якобинцев, и вполне соответствовали исторической роли представляемых «бешеными» плебейских масс.

⁴⁷ «19 septembre 1793. Copie des procès verbaux d'apposition et de levée des scellés chez le C. Varlet». Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁰.

⁴⁸ Arch. Nat., W²⁰.

⁴⁹ См. В. С. Алексеев-Попов. Социальный кружок и его политические и социальные требования. Сб. «Из истории социально-политических идей». М., 1955.

Экономические взгляды «бешеных» еще больше отличались от взглядов якобинцев, чем их воззрения в области политики. И это вполне понятно — ведь здесь, в экономических вопросах, речь шла о том, что составляло самое главное в жизни каждого человека, — о его хлебе насущном в самом прямом и буквальном смысле этого слова. Ясно, что именно в этой области воззрения «бешеных» не могли не носить ряда специфических черт, резко отличавших их от взглядов представителей не только крупной, но и мелкой буржуазии и отражавших характерные условия существования плебейских масс городов Франции XVIII в.

Если попытаться одним словом охарактеризовать экономические взгляды французской *крупной* буржуазии эпохи Великой буржуазной революции, то словом этим, конечно, должно быть «фритредерство». «Единственное, что должно себе позволить в продовольственном деле Собрание, — писал Ролан Национальному конвенту 18 ноября 1792 г., — это провозгласить, что оно не должно ничего предпринимать, что оно упраздняет все стеснения, объявляет полнейшую свободу обращения продуктов, не предопределяет никаких действий, но вместе с тем самым решительным образом будет противодействовать всякому, кто покусится на эту свободу»⁵⁰. Трудно ярче, чем в этих словах вождя жирондистской партии, сформулировать лозунг «laissez faire, laissez passer», а именно этот лозунг, как известно, и составлял квинтэссенцию экономической программы крупной буржуазии на всех этапах буржуазной революции.

Значительно труднее кратко сформулировать экономическую программу *мелкой* буржуазии. Конечно, на всех этапах революции в основе этой программы всегда и неизменно лежал столь характерный для всякой буржуазии страх перед возможностью покушения на «священное» право собственности или, иначе, страх перед тем, что в то время определяли достаточно неясным термином «аграрного закона». Правда, Робеспьер в своей знаменитой речи 24 апреля 1793 г. утверждал, что «этот аграрный закон, о котором так много говорили, есть не что иное, как призрак, созданный мошенниками для того, чтобы пугать дураков»⁵¹. Однако слова эти были сказаны в пылу полемики с жирондистами и, что самое главное, в сугубо демагогической речи, рассчитанной на привлечение симпатий «бешеных». Вообще же, все, что мы знаем о Робеспьере, позволяет с несомненностью утверждать, что он «аграрного закона» боялся отнюдь не меньше, чем другие представители тогдашней революционной буржуазии: достаточно вспомнить хотя бы все его позд-

⁵⁰ Buchez et Roux. Histoire parlementaire de la Révolution Française, t. XX, p. 405—408.

⁵¹ Ibid., t. XXVI, p. 130—133.

нейшие выступления против «бешеных». То же самое можно сказать и о Марате.

Однако этот неизменный страх якобинской мелкой буржуазии перед возможностью каких-либо посягательств на право частной собственности еще не исключал возможности эволюции их экономической программы, и поэтому эта последняя не отличалась таким постоянством и прямолинейностью, как экономическая политика жирондистов. Будучи, подобно этим последним, тоже принципиальными сторонниками фритрэдерства⁵², якобинцы, в отличие от жирондистов, под давлением обстоятельств⁵³ умели в случае необходимости быстро эволюционировать. Именно поэтому они, в душе оставаясь противниками максимальных цен, в сентябре 1793 г. не только приняли «закон о максимуме», но и в дальнейшем сделали его краеугольным камнем своей экономической политики. Но все же в интересующей нас в данный момент связи мы должны помнить, что по своим теоретическим взглядам якобинцы всегда оставались сторонниками фритрэдерства⁵⁴, и именно из этого мы должны исходить при сравнении их экономических взглядов с экономическими взглядами «бешеных».

Для понимания воззрений «бешеных» в области экономической политики необходимо прежде всего вспомнить о тех взглядах, в которых были воспитаны в этом отношении плебейские массы Парижа и других городов Франции всей практикой «старого порядка». Поскольку вся структура феодально-абсолютистской Франции делала неизбежной деградацию сельского хозяйства и, как следствие этого, постоянные неурожаи, королевское правительство, во избежание столь опасных для него «голодных бунтов» в городах, оказывалось вынужденным при каждом значительном вздорожании хлеба прибегать к сложной системе регламентации хлебной торговли. Если даже в обычное время во Франции XVIII в. часто запрещалась хлебная торговля вне рынков, а рыночная торговля регулировалась рядом строгих правил, то в неурожайные годы меры эти становились явно недостаточными. В этих случаях к ним присоединялись принудительная реквизиция хлеба у его производителей и как *ultima ratio* установле-

ние обязательных как для продавцов, так и для покупателей твердых, или «максимальных», цен.

Само собой разумеется, что все принятые меры являлись только жалким паллиативом, неспособным разрешить самую суть проблемы увеличения сельскохозяйственного производства. Более того, если «максимальные» цены на какой-то промежуток времени и удешевляли цены на основные продукты питания, то они вместе с тем, при сохранении системы частной торговли, в конечном счете не могли не иметь своим неизбежным следствием рост спекуляции, сокрытие продаваемых по твердым ценам товаров для торговли на «черном рынке» и т. д. и т. п. Но поскольку плебейские массы Франции XVIII в., при тогдашнем низком уровне их сознательности, естественно, не понимали основных причин голода и дороговизны, коренившихся в самой природе феодально-абсолютистского строя, им не могло не казаться, что *единственными* причинами этих бедствий являются только действия «спекулянтов» и «барышников». Именно поэтому через все голодные движения плебейских масс французских городов XVIII в. всегда и неизменно красной нитью проходят два основных требования — установления «максимума» и строжайшего наказания спекулянтов; эти же два требования и составили квинт-эссенцию экономической программы санкюлотов уже начиная с 1792 г.⁵⁵ Именно отражение этой санкюлотской программы и представляли собой экономические взгляды «бешеных».

То, что эти взгляды покоились именно на воспоминаниях об экономической политике старого порядка, было с необычайной четкостью сформулировано самим Жаком Ру в его конвентской речи 25 июня 1793 г. «О, возмущение, о, позор XVIII веку!... *Во времена Сартинов и Флесселей правительство не допустило бы брать втридорога за припасы первой необходимости*; более того, тогда фиксировали цены на снаряжение и мясо для солдат, а Национальный конвент, облеченный силой 25-миллионного народа, терпит, *чтобы торговец и богатый эгоист, произвольно устанавливая цены на наиболее полезные для жизни предметы, систематически доводили этим население до голодной смерти*»⁵⁶.

Приведенное высказывание Жака Ру свидетельствует также, что плебейские массы объясняли и теперь, как и в дореволюционное время, дороговизну исключительно лишь одной спекуляцией. И действительно, по преобладающей роли, отводимой ими спекуляции как чуть ли не единственной причине, порождающей дороговизну и голод, экономические взгляды «бешеных» резко отличались от воззрений не только жирондистов, но и якобинцев.

⁵² Так, например, Сен-Жюст в речи 29 ноября 1792 г. говорил: «Мне не нравятся насильственные законы о торговле. Требуют закона о съестных припасах! Положительный закон относительно этого никогда не будет разумным» (см. *Oeuvres complètes de Saint-Just*, t. I. Paris, 1908, p. 373—385).

⁵³ В своем знаменитом докладе 8 вантоза Сен-Жюст прямо говорил, что «сила обстоятельств приводит нас к мерам, о которых мы раньше не думали» (ср. *Buchez et Roux. Op. cit.*, t. XXXI, p. 307—308).

⁵⁴ Матъез пишет: «Монтаньяры впоследствии утверждали, что максимум был им навязан против их воли... Барьер называл его подарком Питта... Робеспьер видел в нем начало голода, свирепствовавшего зимой 1793/94 г.» (А. Матъез. Указ. соч., стр. 144).

⁵⁵ Ср. G. Rudé. *The Motives of Popular Insurrection in Paris during the French Revolution*. Bulletin of the Institute of Historical Research, vol. XXVI, N. 73, May 1953; А. Матъез. Указ. соч. Введение.

⁵⁶ «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 552.

В самом деле, в то время как жирондисты, защищая классовые интересы крупной буржуазии, были склонны объяснять причины переживавшегося Францией экономического, и в частности продовольственного, кризиса исключительно моментами объективного характера⁵⁷, якобинцы, не отрицая этих моментов, подчеркивали, однако, наряду с ними и причины субъективные — корыстолюбие и злую волю отдельных лиц, пользующихся общей ситуацией для собственного обогащения⁵⁸. Что же касается «бешеных», то они причину голода и дороговизны видели в основном только в этом последнем факторе, а всем остальным придавали совершенно второстепенное значение.

Но кто же такие, по мнению «бешеных», люди, несущие непосредственную ответственность за непомерное вздорожание продуктов первой необходимости? Это прежде всего, говорит Жак Ру, крупные собственники, которые, «руководствуясь термометром своей жадности, по своему произволу открывают и закрывают продовольственные склады»⁵⁹. К ним Жак Ру причисляет и крупных арендаторов-фермеров⁶⁰, а равно и крестьян-собственников, которых «фермеры и крупные землевладельцы, являющиеся агентами попов, дворян и вообще касты бывших привилегированных», уговорили отказаться от продажи своих излишков, дабы таким образом уморить Париж голодом⁶¹. При этом был широко использован эгоизм крестьян⁶², которых «запугали тем, что нынешний год будет неурожайным»⁶³.

Но главными виновниками дороговизны и голода Жак Ру считает все же не производителей хлеба, а торговцев — «спекулянтов» и «барышников», обращаясь к которым, он в своей «Речи о причинах несчастий Французской республики» восклицает: «Вы захватываете зерно, поля, леса, виноградники, мастерские, мануфактуры, морские порты, все произрастания земли, шкуры животных — и все это с целью заставить друзей отечества умирать от голода, жажды и недостатка одежды!»⁶⁴

Эту роковую роль спекулянтов и действующих в союзе с ними контрреволюционеров Жак Ру считает тем более опасной, что

⁵⁷ Чрезвычайно типична в этом смысле речь Барбару 8 декабря 1792 г. («Archives parlementaires», t. LIV, p. 671).

⁵⁸ Не говоря уже о статьях Марата и Эбера, подобная мысль очень сильно подчеркнута в речи Робеспьера 2 декабря 1792 г. («Archives parlementaires», t. LIV, p. 45—48); см. также доклад Колло д'Эрбуа 26 июля 1793 г. (ibid., t. LXIX, p. 550—551).

⁵⁹ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 14. Arch. Nat., W²⁰.

⁶⁰ «Le Publiciste de la République Française par l'Ombre de Marat», № 250, p. 3, Bibl. Nat., Lc² 227.

⁶¹ Ibid., p. 3.

⁶² Ibid., № 269, p. 8.

⁶³ Ibid., № 250, p. 3.

⁶⁴ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 17.

вместе с торговцами по профессии орудуют и люди, до революции очень далекие от торговли. «Военные и судейские скапливают полезные произрастания земли и захватывают в свои руки все отрасли торговли»⁶⁵.

Совершенно аналогичных взглядов придерживался и Леклер, с той только разницей, что он особенно подчеркивал роль контрреволюционеров. Богатые контрреволюционеры, говорил он, надеются вызвать контрреволюцию посредством дороговизны съестных припасов. При помощи своих огромных богатств они скапливают продукты и предметы первой необходимости и устраивают таким образом искусственный голод. Затем они говорят народу, что в голоде этом повинна революция⁶⁶.

Но если происки контрреволюционеров и корыстолюбие землевладельцев и спекулянтов составляют *основные* причины продовольственного кризиса, то наряду с ними «бешеные» отмечают и ряд дополнительных причин, облегчивших возможность действия основных. К числу дополнительных причин Жак Ру относит допущение торговли звонкой монетой, разрешение (правда, лишь в порядке исключения) вывоза продуктов питания за границу, неумеренный выпуск бумажных денег, производство в оккупированных областях платежей звонкой монетой, заграничные закупки оружия и мануфактуры и т. д. и т. п.⁶⁷

Жак Ру не ограничивается выяснением того, что он считает основными и дополнительными причинами продовольственного кризиса, но и полемизирует с теми, кто указывает на наличие иных, им не предусмотренных причин. Высказанные им в «Речи о причинах несчастий Французской республики» на этот счет соображения дословно повторяются им затем в его речи 25 июня.

В этой речи Жак Ру последовательно рассматривает различные теории, выдвигаемые обычно для объяснения продовольственного кризиса, и разбивает их одну за другой. Война? Но «почему же, когда при жестоком Людовике XIV Франция воевала с целой лигой тиранов, ажиотаж не вызывал в ней восстаний, голода и разрушений?» Падение ценности ассигнатов? — Но почему же тогда «наши и иностранные банкиры, купцы и контрреволюционеры наполняют ими свои сундуки?» Да и в Англии, «долг которой, может быть, в двадцать раз больше ценности всей страны, нет, несмотря на это, решительно никакой дороговизны».

«Иногда еще говорят, что приходится платить звонкой монетой за привозимые из-за границы товары. Это неверно; торговля почти всегда происходит посредством обмена товаров на товары и бумажек на бумажки; часто даже предпочитают товары

⁶⁵ Ibid., p. 14.

⁶⁶ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № II, p. 3.

⁶⁷ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 14.

деньгам. Обращающейся в Европе звонкой монеты не хватило бы на покрытие одной стотысячной части выпущенных бумажных денег. Таким образом, ясно, что спекулянты и банкиры дискредитируют ассигнаты лишь для того, чтобы дороже продавать свою звонкую монету, безнаказанно пользоваться своим монопольным положением и наживаться за счет крови патриотов, которую они горят желанием пролить»⁶⁸.

Чрезвычайно близко к положениям Жака Ру и Леклера подходил и находившийся под влиянием «бешеных» клуб революционных республиканок. Так, в заявлении этого клуба, сделанном совместно с кордельерами 19 мая 1793 г. якобинскому клубу, между прочим, говорилось: «Существует страшный заговор, ставящий целью посредством неимоверного повышения цен на продукты уморить народ голодом. Во главе этого заговора стоит наглая каста торгашеской аристократии, стремящаяся поставить себя на место короля и посредством регулируемого ее жадностью повышения цен на продукты первой необходимости захватить в свои руки все богатства»⁶⁹.

Воззрения «бешеных» на причины продовольственного кризиса в значительной степени предопределяли их взгляды на способы борьбы с этим бедствием. В самом деле, поскольку основной причиной отсутствия и дороговизны продуктов является спекуляция, совершенно ясно, что и основная линия борьбы с продовольственным кризисом должна заключаться в преследовании и искоренении этой спекуляции.

И действительно, уже начиная с 1792 г. «бешеные» не только выдвигают борьбу со спекуляцией и ажиотажем на первое место в своей практической программе, но и придают этому требованию значение того основного и центрального узла, вокруг которого сосредоточивается вся их агитация и пропаганда. Больше того, в то время как — в чем мы дальше убедимся — многие другие предлагавшиеся «бешеными» способы борьбы с продовольственным кризисом носили в их программе преходящий характер и зачастую довольно быстро сменялись совершенно новыми предложениями, требование борьбы со спекуляцией оставалось в тактическом арсенале «бешеных» всегда и неизменно, и именно оно является поэтому одним из характернейших пунктов их программы.

У Жака Ру требование решительной и ни перед чем не останавливающейся борьбы со спекуляцией мы находим уже в его «Речи о средствах спасения Франции и свободы»:

«Подвергните страху постыдного наказания спекулянтов и баышников! Нет большего преступления, чем наживаться за счет народных бедствий и производить ростовщические сделки над

слезами и разорением народа. Нация, сбросившая с себя иго тирании, должна обрушиться на жестокие происки аристократии богатства. Она не должна терпеть, чтобы глубоко развращенные люди пожирала имущества, мануфактуры, торговлю, свободу; она не может терпеть, чтобы они капля за каплей высасывали кровь граждан и путем недостойных сделок подготавливали возвращение рабства... Так как нельзя пользоваться всеми благами свободы в то время, когда приходится бороться с голодом, нуждой и тираническими законами, так как торговля не должна заключаться в действиях, вредных трем четвертям человечества, *требуите установления смертной казни в отношении спекулянтов съестными припасами* и в отношении тех, кто, торгуя деньгами и выпуская монету по рыночной цене, превышающей их действительную стоимость, дискредитируют наши ассигнаты, повышают цены товаров и быстрыми шагами приводят нас на край контрреволюции...»⁷⁰ (курсив наш.— Я. З.).

Аналогичную программу выставляет Жак Ру в «Речи о суде над Людовиком последним»⁷¹ и «Речи о причинах несчастий Французской республики»⁷². А в его речи 25 июня 1793 г. требование установления конституцией смертной казни за спекуляцию и барышничество составляет, как известно, всю ее квинтэссенцию и смысл. «Во имя спасения республики,— говорит в этой речи Жак Ру, обращаясь к депутатам Национального конвента,— заклиная вас предать конституционной анафеме спекуляцию и ажиотаж и декретировать общий принцип, что торговля не состоит в том, чтобы разорять, доводить до отчаяния и морить голодом граждан...»⁷³

Такую же точно программу выставляет и Леклер в № II своего «Друга Народа»:

«Пусть будет установлена смертная казнь в отношении тех, кто посредством преступных махинаций попытался бы избежать обысков и накапливать у себя предметы первой необходимости! Такой человек должен быть рассматриваем как убийца, да он и на самом деле является таковым, поскольку скапливает продукты лишь для того, чтобы обирать в свою пользу потребителей»⁷⁴.

А в № XIV «Друга Народа» Леклер добавляет к этому еще требование установления смертной казни для всех тех, кто спекулирует на курсе ассигнатов⁷⁵.

В полном согласии с Жаком Ру и Леклером выступали и «революционные республиканки». «Законодатели,— говорилось в их выступлении в якобинском клубе 19 мая 1793 г.,— ударьте по

⁷⁰ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté», p. 36—37, 43.

⁷¹ «Discours sur le jugement de Louis le dernier...», p. 8.

⁷² «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 19.

⁷³ «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 549.

⁷⁴ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № II, p. 6.

⁷⁵ Ibid., № XIV, p. 3—4.

⁶⁸ «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 552—554.

⁶⁹ A. Aulard. La Société des Jacobins, t. V, p. 199.

спекулянтам, барышникам и купцам-эгоистам! Уничтожьте всех этих мерзавцев, родина будет достаточно богатой, если у нее останутся санкюлоты и их добродетели»⁷⁶.

Но было бы глубоко неверно думать, что вся экономическая программа «бешеных» исчерпывается одним требованием ожесточенной борьбы со спекуляцией. Наряду с ним «бешеные» выставляли также ряд других требований, но в то время, как первое оставалось все время без изменений и постоянно входило в состав программы «бешеных», остальные пункты их экономической политики терпели в своем постепенном развитии ряд изменений, вполне соответствовавших, впрочем, тем изменениям, которые происходили в это время и в экономических требованиях самих плебейских масс.

Так, экономическая программа, выставленная Жаком Ру в его «Речи о средствах спасения Франции и свободы», весьма сильно напоминает те мероприятия, которые в аналогичных случаях принимались дореволюционным правительством и о применении которых с некоторыми дополнениями мечтали в это время плебейские массы.

«Требуйте строгих законов в отношении хлебной торговли,— говорил он,— требуйте запрещения вывоза за пределы государства предметов первой необходимости. Заставьте крупных землевладельцев продавать их урожай только на специально выделенных в пределах их дистриктов рынках. Откройте во всех городах и значительных поселениях общественные магазины, которые окажут заметное влияние на цены. Если богатые фермеры будут вынуждены нести свои товары на общие склады и вся Франция обратится как бы в единое хранилище, золотой век сменит, наконец, век железный»⁷⁷.

Однако, как известно, продовольственная политика дореволюционного правительства далеко не ограничивалась системой общественных магазинов и регламентации торговли. В случае необходимости оно не останавливалось в своей практике перед таксацией и реквизицией хлеба, и поэтому не удивительно, что по мере роста продовольственного кризиса воспитанные на этой практике плебейские массы требуют принятия и этих, хорошо им знакомых мер борьбы с дороговизной. Эта эволюция целиком коснулась и Жака Ру, и уже в своей речи 25 июня он делает значительный шаг вперед по сравнению с «Речью о средствах спасения Франции и свободы»:

«Неужели же собственность мошенника более священна, чем жизнь человека? Административные органы имеют в своем распоряжении войска, почему же бы им не обладать правом реквизиции съестных припасов? Законодателю принадлежит право объ-

являть войну, т. е. осуждать людей на смерть,— как же может он не иметь права помешать угнетению и изнурению голодом тех, кто остался у домашнего очага? Свобода торговли есть право пользования и предоставления пользования, но отнюдь не право препятствовать пользованию и тиранить. Все необходимые съестные припасы должны быть приведены к доступной для всех цене»⁷⁸.

Позднее, в июле — августе 1793 г., Жак Ру, не ограничиваясь требованием таксации и реквизиции⁷⁹, предлагает ряд дополнительных мер борьбы с экономическим кризисом. Важнейшими из них являются: уничтожение привилегированных компаний⁸⁰ и устранение таким образом посредников между производителями и потребителями⁸¹; организация специальных экспедиций для доставки в Париж закупленного муниципалитетом хлеба⁸²; запрещение какого бы то ни было экспорта за границу⁸³ и импорта оттуда⁸⁴ и т. п. За таксацию предметов первой необходимости высказывается в № II своей газеты и Теофиль Леклер: «Разве Франция не имеет достаточно, или, вернее, даже более чем достаточно необходимого ей зерна, дров, льна, конопли и шерсти, чтобы накормить, осветить, согреть и одеть всех своих многочисленных граждан? Ответ на этот вопрос должен быть дан безусловно положительный... Что же должны сделать законодатели при переживаемых тяжелых обстоятельствах? Таксировать все предметы первой необходимости по доступной для всех цене»⁸⁵.

Мы рассмотрели — в основном и главном — как воззрения «бешеных» на причины постигшего Францию экономического кризиса, так и предложенные ими способы его ликвидации. Переходя теперь к оценке этих взглядов, мы должны прежде всего констатировать, что, сводя все причины продовольственного кризиса к злонамеренной спекуляции контрреволюционеров и барышников и соответственно этому намечая способы борьбы со злом, «бешеные» повторяли лишь мысли, целиком господствовавшие среди плебейских масс Франции начиная уже с сахарного кризиса начала 1792 г. Правда, анализ «бешеных» не вполне соответствовал действительному положению вещей, ибо, как ни велико было на самом деле значение спекуляции (а то, что оно было велико, неопровержимо доказано Матьезом), было бы, конечно, неверно сводить все причины кризиса к одной только

⁷⁸ «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 550.

⁷⁹ Это требование повторяется в его «Publiciste de la République Française», № 260, p. 5.

⁸⁰ Ibid., № 247, p. 8; № 254, p. 7.

⁸¹ Ibid., № 247, p. 8.

⁸² Ibid., № 250, p. 7.

⁸³ Ibid., № 254, p. 7.

⁸⁴ Ibidem.

⁸⁵ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lion», № 11, p. 4—7.

⁷⁶ A. Aulard. Op. cit., t. V, p. 199.

⁷⁷ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté», p. 43—44.

спекуляции и совершенно игнорировать значение инфляции, войны, блокады и т. д. Но вместе с тем объективно «бешеные» были все же совершенно правы, когда требовали от правительства борьбы со спекуляцией и проведения закона о максимуме, ибо эти меры целиком вытекали из всей обстановки момента. Конечно, идя во главе движения, требовавшего государственно-го вмешательства в свободную игру экономических сил, «бешеные» тем самым вступали в решительное противоречие с фритредерскими установками не только жирондистов, но и якобинцев. Однако это противоречие было совершенно неизбежным в эпоху, когда «плебейские равенство и братство могли быть только мечтой... когда дело шло о том, чтобы создать нечто, *прямо противоположное* им». Это противоречие являлось только одним из аспектов основного противоречия между буржуазным характером революции 1789—1794 гг. и тем, что «только... плебеи и совершили революцию»⁸⁶.

Но вместе с тем то обстоятельство, что плебеи неминуемо вкладывали в революционные требования буржуазии такой смысл, которого там не было⁸⁷, должно было привести к тому, что в экономической программе «бешеных» наряду с требованиями, лишь отражавшими стремления плебейских масс, основанными на воспоминаниях об уже пройденном этапе исторического развития, были и требования, обращенные не назад, а вперед. Именно такое значение, думается нам, имеют некоторые положения Леклера о национализации торговли предметами первой необходимости.

Этот проект Леклера возник как развитие и углубление уже известного нам его предложения о таксации предметов первой необходимости; изложение его дано в № X его газеты, вышедшем 10 августа 1793 г. Сущность этого проекта заключается в следующем:

«Национальный конвент должен издать нижеследующий закон: «Французская республика объявляется покупателем всего зерна, произрастающего на ее территории. Отныне никто не может продавать этот предмет первой необходимости никому, кроме государства». Исполнение этого закона не является столь трудным, как это может показаться; возможно даже, что каждый департамент, каждый дистрикт, каждый муниципалитет смогут в силу декрета законодательной власти осуществить его в пределах своего округа. Части республики, производящие больше того, что необходимо для прокормления их жителей, будут снабжать те места, где своего зерна не хватает. Излишки будут сохраняться в особых складах, устроенных в еще не проданных национальных домах.

Покупные цены будут фиксированы Национальным конвентом; государство же будет продавать продукты потребления по доступным для всех ценам. *Неимущие будут получать продукты бесплатно. Государство обязано обеспечить им существование*; для того же, чтобы не брать на себя слишком больших расходов, оно урежет из роскоши богатых средства для обеспечения жизненных потребностей бедняков» (курсив наш.— Я. З.)⁸⁸.

Дальнейшее развитие мыслей Леклера мы находим в следующем, № XI «Друга Народа», где говорится о национализации уже не только зерна, но и всех вообще продуктов первой необходимости:

«Национальный конвент должен издать декрет, гласящий, что зерно и все вообще продукты первой необходимости принадлежат Республике, с тем, однако, условием, что земледельцы должны получить за них справедливое вознаграждение, оплачивающее как произведенные ими расходы, так и затраченный ими труд»⁸⁹.

Было бы, разумеется, глубоко неправильным преувеличивать оригинальность этого проекта Леклера и рассматривать его в целом как нечто, совершенно выходящее за пределы круга идей того времени.

Не говоря уже о том, что в идее национализации торговли, взятой самой по себе, еще нет ничего социалистического, проект Леклера составляет по своему содержанию не что иное, как развитие мыслей, всего лишь за четыре дня до выхода № X газеты Леклера, а именно 6 августа, изложенных Леонардом Бурдоном Национальному конвенту в его речи о государственных зернохранилищах⁹⁰. Более того, многое из того, о чем писал в своей газете Леклер, было уже через несколько месяцев осуществлено якобинцами в созданной ими системе так называемого «второго максимума»⁹¹. И все же, несмотря на все это, есть нечто, отличающее проект Леклера от предложений и мероприятий якобинцев. Это отличие заключается в том, что Леклер требовал не только национализации торговли предметами первой необходимости, но и бесплатного снабжения ими всех неимущих на основе того принципа, что «государство обязано обеспечить им существование». На это, казалось бы, можно возразить, что и здесь Леклер неоригинален: как известно, ст. 21 якобинской Декларации прав 1793 г. гласила, что «общество обязано давать беднякам средства к существованию, доставляя им работу или обеспечивая пропитание тех, кто не в состоянии работать». Но все дело в том, что данная статья Декларации

⁸⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма, стр. 408.

⁸⁷ См. там же.

⁸⁸ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № X, p. 4.

⁸⁹ Ibid., № XI, p. 3.

⁹⁰ См. об этом А. Матьез. Указ. соч., стр. 221—224.

⁹¹ См. там же, ч. III.

ции прав 1793 г., подобно ряду других статей как ее самой, так и всех вообще буржуазно-демократических конституций, представляла собой не более, чем формальное обещание, не обеспеченное для своего осуществления никакими материальными гарантиями. В противоположность этому, проект Леклера, связывающий воедино бесплатное снабжение продовольствием всех нуждающихся за счет богатей с национализацией торговли предметами первой необходимости, представляет как раз попытку, конечно, еще очень незрелую и соответствующую уровню сознания тогдашних плебейских масс, подведения под ст. 21 Декларации прав определенной материальной базы, материальной гарантии ее осуществления. В этом-то, на наш взгляд, и заключается принципиальное отличие предложения Леклера от предложений и мероприятий якобинцев. Поэтому предложение это составляет как раз одну из тех идей «бешеных», которые, при условии их последовательной разработки, являются «идеей нового мирового порядка».

3

От экономических воззрений «бешеных» обратимся теперь к их воззрениям социальным.

В марксистской историографии неоднократно подчеркивалось то весьма слабое представление, которое громадное большинство якобинцев (исключением среди них был едва ли не один Марат) имело о классах и классовой борьбе. Теоретически «бешеные» в этом смысле от якобинцев ровно ничем не отличались, и было бы совершенно никчемным и заранее осужденным на неудачу делом искать в их произведениях каких бы то ни было указаний на существование классовой борьбы и ее роль в истории, даже хотя бы отдаленно напоминающих то, что говорили по этому поводу Барнав или Марат. Напротив, в большинстве произведений «бешеных» мы встречаем много мест, показывающих, что они, подобно Робеспьеру и робеспьеристам, были очень часто готовы объяснить партийную борьбу противоречием между «добрыми» и «злыми» и соответственно видели выход из положения в пропаганде и прояснении сознания ошибающихся, что должно было привести к примирению и всеобщим объятьям⁹².

Однако наряду с этим теоретическим непониманием причин и значения классовой борьбы, там, где дело шло о практических выводах и о конкретном анализе отдельных событий, «бешеные» очень часто проявляли поразительную вдумчивость и

глубокую проницательность, с трудом сочетающуюся в нашем представлении с их теоретической наивностью в данных вопросах.

Так, например, исключительно любопытна оценка социальных результатов буржуазной революции, данная Жаком Ру в его «Речи о причинах несчастий Французской республики» и затем дословно повторенная им в № 249 «Публициста Французской республики»:

«Поразительным феноменом революции, поверить которому потомство сможет лишь с величайшим трудом, является то усердие, с которым враги свободы морят голодом, разоряют и приводят в отчаяние народ. Даже в те времена, когда воровство было узаконено государством под видом торговли, не видно было такого количества вампиров и кровопийц, как сейчас, когда спекуляция достигла предела, а трудящийся класс общества лишился возможности существовать на политую его слезами почве. Можно даже сказать, что богатый получил над бедным право жизни и смерти... Но не будем обвинять революцию в том, что она является источником наших бедствий. По своей природе она должна была обеспечить лучшую участь несчастному рабочему и классу людей, угнетаемых феодальным деспотизмом... Но роковой декрет, разрешивший посредством торговли деньгами обесценение ассигнатов, дал ростовщикам и контрреволюционерам возможность жиреть за счет общественных бедствий... узурпированные духовенством владения, а равно и национальные имущества *перешли в руки людей, обогатившихся за счет крови вдов и сирот*» (курсив наш.—Я. З.)⁹³.

Подчеркнутые нами слова показывают, насколько ясно сознавал Жак Ру столь характерный для Французской буржуазной революции процесс создания так называемых «новых богатей». Следующий абзац из той же «Речи о причинах несчастий Французской республики» демонстрирует это еще более отчетливо:

«Раскройте перед нами ваши кошельки!» — говорит в этой речи Жак Ру, обращаясь к «новым богачам». — Ваше быстрое обогащение лучше всего свидетельствует о ваших разбоях, изменах и злодеяниях. До взятия Бастилии вы были в лохмотьях, а ныне вы своей роскошью оскорбляете общественную нужду. Вы едва ли имели жилище, а ныне вы обитаете во дворцах. Вы владели лишь сохой, а теперь вы хозяева значительных имений. Вы занимались торговлей вразнос, а теперь вы сооружаете военные корабли. Члены ваших семей протягивали руку первому встречному и жили лишь милостыней, а теперь им доверено снабжение наших сухопутных и морских сил. Можно ли после этого удивляться, что повсюду встречаешь

⁹² См., например, «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté», p. 47; «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 1; «Le Publiciste de la République Française», № 246, p. 6; № 255, p. 7—8; № 265, p. 6 и т. д.

⁹³ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 14.

людей, преданных, на первый взгляд, революции, — ведь она предоставила им полную возможность, и притом в течение короткого срока, скопить громадные сокровища, покрыв вместе с тем их хищения непроницаемым покровом»⁹⁴.

Столь же ясное понимание социальных результатов революции находим мы и у Леклера:

«Место дворянской и священнической аристократии заняла аристократия буржуазная и торговая. Этот класс, составлявший в некотором роде промежуточную касту между первым (аристократией.— Я. З.) и народом, приобрел в результате своего богатства столько же потребностей, а следовательно, и столько же пороков, сколь и высший класс. Принципиально он встретил довольно дружелюбно революцию, уравнившую его с высшим классом. Но когда народ потребовал установления равенства и основал республику, эти господа сделались ее самыми ожесточенными врагами и встали на путь своих предшественников»⁹⁵.

Совершенно очевидно, что этот анализ конкретных классовых противоречий, обнаружившихся в ходе буржуазной революции, должен был привести «бешеных» и к теоретическим выводам, явным образом противоречащим установленному нами выше непониманию ими сущности и значения классовой борьбы. Однако обе эти точки зрения мирно уживались во взглядах «бешеных», и примеры их сосуществования могут быть найдены почти в любом из их произведений.

Так, если взять Жака Ру, то наряду с уже отмеченными выше местами, в которых он призывает к общему примирению и забвению обид, мы находим у него абзацы, вроде следующего:

Было бы верхом безумия полагать, что высокопоставленные разбойники, мнящие себя богами на земле, будут помогать революции, уравнивающей их с теми, кто, по их мнению, должен ползать перед ними в пыли. Было бы верхом безумия думать, что мерзавцы, своим достоинством и богатством обязанные одним интригам и случайности рождения, полюбят революцию, представляющую посты лишь тем, кто заслужил их своими талантами и добродетелью... Тот, кто прислуживал в передних королей, состоял тюремщиками Бастилии или шпиками инквизиции, тот, кто жалеет о своем мундире или алтаре, тот, кто жирел кровью и слезами несчастных — не может быть подлинным республиканцем»⁹⁶.

Но если анализ наблюдаемых ими явлений действительной жизни приводил «бешеных» к осознанию существования клас-

совых противоречий и классовой борьбы, то нужно тут же отметить, что «бешеные», в отличие от физиократов и подобно своим предшественникам — Жану Мелье, Вольтеру, Рейналю — и современникам — якобинцам и Бабефу, — делили общество на классы по принципу не производственному, а потребительскому. Поэтому они признавали существование не трех классов, как полагали физиократы, а только двух: «богатых» и «бедных», или, как выражался Жак Ру, «всегда угнетающих патрициев и всегда угнетенных плебеев»⁹⁷.

Впрочем, и в этом отношении «бешеные» меньше всего проявляли какую-либо самостоятельность, а лишь последовательно отражали взгляды тех плебейских масс, интересы которых они выражали. Действительно, при определении своих классовых противников плебейские массы эпохи революции лишь в крайне редких случаях определяли их по производственному признаку. Такой, например, случай мы имеем в постановлении революционного комитета секции Фобур дю-Нор от 24 жерминаля II года об аресте некоего Сантера на том основании, что он «разжирел за счет пота своих поденщиков»⁹⁸. Но подобные случаи были крайне редки, обычно же плебеи своих классовых противников определяли как «богатых торговцев»⁹⁹, «банкиров»¹⁰⁰, «богачей»¹⁰¹, «рантье»¹⁰².

Подобное же разделение общества на два класса по одному лишь потребительскому принципу красной нитью проходит через все произведения «бешеных». При этом «богатые» почти всегда идентифицируются с контрреволюционерами и изображаются в качестве основных виновников всех бедствий революционной Франции.

«Подумайте о том, — говорит Жак Ру в своей «Речи о причинах несчастий Французской республики», — что почти все богатые являются по существу виновниками преступлений и по привычке — сообщниками королей. Заклятые враги народа, припасы коего они пожирают, они неизменно проникнуты психологией рабов и составляют заговоры, целью которых является снова заковать народ в цепи»¹⁰³.

Богатые, по мнению Жака Ру, с восторгом приветствовали бы победу интервентов и торжество внутренней контрреволюции.

⁹⁷ «Discours sur les moyens de sauver la France et la liberté», p. 33.

⁹⁸ Arch. Nat., F⁷ 4775¹³ Цит. по статье: A. S o b o u l. Problèmes de travail en l'an II. «Annales historiques de la Révolution Française», 1956, N 144, p. 243.

⁹⁹ Заседание секции Майль 21 мая 1793 г. (Arch. Nat., C 355, pl. 1864, p. 44; «Die Sansculotten von Paris», N 8—9) Адрес Конвенту от 27 вантоза. Цит. по: A. S o b o u l. Problèmes de travail..., p. 241—242.

¹⁰⁰ Цит. по: ibid., p. 241—242.

¹⁰¹ «Die Sansculotten von Paris», № 8—9.

¹⁰² Цит. по: A. S o b o u l. Problèmes de travail..., p. 243—245.

¹⁰³ «Discours sur les causes des malheurs la République Française», p. 20.

⁹⁴ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 15.

⁹⁵ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № II, p. 3.

⁹⁶ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 19.

«Если они иногда и берутся за оружие, то это лишь для защиты личности и имущества угнетателя. Если они иногда и приносят на алтарь отечества ничтожные жертвы, то делают это лишь для того, чтобы надеть на себя маску лицемерия и таким образом легче обмануть народ... Богатые нас всегда предавали и всегда будут предавать: на войне — они поведут наши полки на бойню; в столице — они будут предавать права народа; в святилище законов — они принесут в жертву невинность. Нет, одним словом, тех преступлений, на которые бы не толкала богатых пожирающая их жажда золота»¹⁰⁴.

В совершенно аналогичном духе высказывается Жак Ру в своей речи 25 июня: «Богатые торговцы по самому своему существу — соучастники преступления и по привычке — сообщники королей»¹⁰⁵; «богатые» — это злые»¹⁰⁶. В издававшемся им «Публицисте Французской республики» в № 249 он дословно повторяет всю приведенную выше цитату из «Речи о причинах несчастий Французской республики»¹⁰⁷, а в № 254 снова останавливается на доказательстве контрреволюционности богатых:

«Тот, кто обогатился за время революции, т. е. в то время, когда добрые граждане разорялись и приносили бесчисленные жертвы, является, без всякого сомнения, эгоистом, мошенником и контрреволюционером. Можно с полным основанием утверждать, что они помогли эмигрантам и нанимали разбойников, дабы вызывать беспорядки и толкать народ на восстания, грабежи и убийства. Можно утверждать, что они находятся в сношениях с тиранами и припрятавают и экспортируют товары; можно утверждать, что они дискредитируют наши бумажные деньги, дабы поднять ценность векселей, выписанных на Лондон, Женеву и другие места. Можно утверждать, что они являются друзьями королей, сторонниками тирании, угнетателями и палачами республики»¹⁰⁸.

Совершенно так же, как Жак Ру, рассуждал и Леклер. Мы уже приводили те отрывки из его газеты, где он доказывал неизбежность контрреволюционного настроения крупной буржуазии. Мы приводили также отрывок из выступления «революционных республиканок», в котором они утверждали, что во главе контрреволюционного заговора стоит «наглая каста торгашеской аристократии», стремящейся поставить себя на место короля¹⁰⁹.

Но кого же противопоставляют «бешеные» тем богатым, которые, по их мнению, являются основными виновниками всех

обрушившихся на революционную Францию бедствий? Мы бы тщетно стали искать у них точного определения этого понятия, точно так же как не находим мы его и у самих плебейских масс, что, само собой разумеется, лишь отражало неоднородность их состава. В этом отношении чрезвычайно характерен написанный весной 1793 г. старым участником революции, бывшим солдатом Vingternier «Ответ на наглый вопрос: Но что же такое санкюлот?»¹¹⁰. В этом «Ответе» мы, между прочим, читаем: «Санкюлот, господа мошенники? Это существо, которое всегда ходит пешком, которое не обладает теми миллионами, о которых вы все мечтаете, которое не имеет ни замков, ни лакеев и которое живет со своей женой и детьми, если они у него есть, на четвертом или пятом этаже. Санкюлот полезен, так как он умеет пахать поле, ковать, пилить, покрывать крышу, шить сапоги и проливать свою кровь для спасения Республики»¹¹¹.

А в петиции секции Обсерватории Национальному конвенту, составленной на заседаниях 29 сентября и 11 октября 1793 г., утверждается, что «подлинными санкюлотами являются только бедные граждане... Только санкюлоты составляют нацию, а ничтожное число тех, кто завладел всеми богатствами, является не нацией, а привилегированными»¹¹².

Такую же точно неопределенность и расплывчатость в определении социального антипода «класса богатых» находим мы и у «бешеных». Это просто тот «трудящийся и бедный класс», которому обещает служить Леклер¹¹³, или те «неимущие», которым Варле посвящает свой «План новой организации Центрального клуба друзей конституции»¹¹⁴. А Жак Ру в своей речи 25 июня 1793 г. тщательно подчеркивает, что понятие бедных вовсе не идентично понятию рабочих¹¹⁵, в силу чего он объявляет себя защитником интересов не только рабочих, но равным образом и мелких рантье¹¹⁶ и вообще всего «огромного множества людей», живущих в верхних этажах домов революционного Парижа, лишенных хлеба и одежды и приведенных в такое состояние нужды и горя ажиотажем и спекуляцией¹¹⁷. И неопределенность эта отнюдь не должна нас удивлять: мы уже говорили о разношерстности состава плебейских масс Франции

¹¹⁰ Arch. Nat., F⁷ 4775⁴⁸, dossier Vingternier. Перепечатано в «Die Sansculotten von Paris», № 1.

¹¹¹ Ibidem.

¹¹² Arch. Nat., DIII, 255—256¹, d. I, p. 18. Перепечатано в «Die Sansculotten von Paris», № 40.

¹¹³ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № 1, p. 7.

¹¹⁴ «Plan d'une nouvelle organisation de la Société-mère des Amis de la Constitution», p. 3—4. Bibl. Nat., 40. Lb⁴⁰ 2278.

¹¹⁵ «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 551

¹¹⁶ Ibid., p. 555.

¹¹⁷ Ibid., p. 551—552.

¹⁰⁴ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 20.

¹⁰⁵ «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 551.

¹⁰⁶ Ibid., p. 554.

¹⁰⁷ «Le Publiciste de la République Française», № 249.

¹⁰⁸ Ibid., № 254, p. 5.

¹⁰⁹ A. Aulard, Op. cit., t. V, p. 199.

конца XVIII в., и совершенно естественно, что аморфности их бытия соответствовала и аморфность их сознания.

Обратимся теперь к тому, что можно назвать социальной программой «бешеных». В основе ее, так же как и в основе программы якобинцев, лежал тот принцип Руссо, что, заключая общественный договор, люди «жертвуют одной частью своей свободы, ради сохранения другой»¹¹⁸, причем «первым чувством человека является чувство своего существования и его первой заботой — забота о самосохранении»¹¹⁹. Как известно, мысль эта была целиком воспринята якобинцами; так, Робеспьер в речи 2 декабря 1792 г. говорил: «Первое из прав человека — это право на существование. Поэтому первый социальный закон — это тот, который гарантирует всем членам общества средства к существованию; все остальные законы подчинены ему. Собственность существует прежде всего для того, чтобы жить... Все, что необходимо для спасения жизни, является общим достоянием всего общества; частной собственностью является только излишек...»¹²⁰.

Совершенно те же мысли находим мы и у «бешеных». «Человек, — говорит Леклер в № II своего «Друга Народа», — рождаясь из чрева своей матери, брошенный на произвол случайностей этого мира, и живя в обществе, управляемом на основании законов, существовавших еще до его появления на свет, не знает и не может знать никаких велений, кроме велений его аппетита и его инстинктов. А эти веления неизменно кричат ему: заботься о своем самосохранении! Отдавая обществу ту часть своей силы и предприимчивости, которую в естественном состоянии он употребил бы на обеспечение своего существования, человек не теряет, однако, при этом естественного и необходимого ему права заботиться об удовлетворении своих нужд. Лишить его этого права или ограничить его было бы столь же несправедливо, как и запретить человеку, внесшему свою часть в общий капитал, принять участие в разделе барыша»¹²¹.

В последующих номерах своей газеты Леклер часто возвращается к этой же излюбленной мысли. «Все люди, — читаем мы в № X «Друга Народа», — имеют равное право на продовольствие и все произрастания земли, безусловно необходимые для обеспечения их существования»¹²². «Право заботиться об удовлетворении своих насущнейших нужд, — говорится в № XII, — является совершенно бесспорным. Его слишком долго нарушали. Продовольствие принадлежит всем, и в момент, по-

добный настоящему, ни один смертный не имеет права хранить съестные припасы в количестве большем, нежели это необходимо для его собственного пропитания впредь до ближайшего урожая»¹²³.

Аналогичные мысли встречаем мы и в «Речи о причинах несчастий Французской республики» Жака Ру:

«Принципом свободного государства является то, что все плоды земли в равной степени принадлежат всем, а торговля и право собственности не должны заключаться в том, чтобы заставлять своих ближних умирать от голода и нужды...

Эгоисты и людоеды, по какому праву скапливаете вы в своих складах и магазинах продукты, которые должны быть распределены между всеми членами единой великой семьи?.. Спросите у природы — все люди наши братья. Поднимите глаза к небу — они все равны перед ним. Но если, таким образом, не существует двух классов людей, из коих один осужден на позор и нищету, а другому предоставлены богатство и власть, то по какому праву, варвары, ... заставляете вы ваших ближних беспрестанно испытывать голод? А когда народ, сгорбленный под тяжестью его цепей, бросается в пламя священного восстания, то не вы ли оскорбляете его храбрость и добродетель и во всю глотку вопите о разбое и анархии? Не вы ли, спекулянты, являетесь подлинными разбойниками и анархистами, попирающими священнейшие законы — законы природы — и отнимающими у рабочего и ремесленника хлеб, необходимый для его существования?»¹²⁴.

Не удивительно, что исповедование этих принципов приводит «бешеных» к признанию недостаточности существующих во Французской республике формальных свобод и равенства. «Свобода — лишь пустой призрак, — говорит Жак Ру в своей конвентской речи 25 июня 1793 г., — когда один класс людей может безнаказанно заставлять другой голодать. Равенство — лишь пустой призрак, когда благодаря монополии богатые имеют право распоряжаться жизнью и смертью своих ближних. Республика — лишь пустой призрак, когда ежедневно торжествует контрреволюция, выражающаяся в высоких ценах на припасы, ставшие вследствие этого недоступными для трех четвертей граждан»¹²⁵.

Но каким же образом исправить существующее зло и устранить только что отмеченные недостатки такой организации общества?

Как известно, Руссо разрешал этот вопрос в смысле эгалитаризма, считая, что «одной из важнейших задач государства

¹¹⁸ J. -J. Rousseau. Discours sur l'origine de l'inégalité parmi les hommes. «Oeuvres...», t. IV, 1839, p. 172.

¹¹⁹ Ibid., p. 160.

¹²⁰ «Archives parlementaires», t. LIV, p. 45—46.

¹²¹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № II, p. 5.

¹²² Ibid., № X, p. 3.

¹²³ Ibid., № XII, p. 2—3.

¹²⁴ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 15.

¹²⁵ «Annales Révolutionnaires», 1914, p. 548.

является предотвратить крайнее неравенство богатств»¹²⁶; якобинцы, как его верные ученики, шли в этом пункте целиком за ним. «Не надо ни бедных, ни богатых», — сказано у Сен-Жюста в одном из написанных им за месяц до смерти набросков¹²⁷; в этом же смысле еще в период Учредительного собрания высказывался и Робеспьер. «Законодатели! — говорил он в своей речи 5 апреля 1791 г. — Вы ничего не сделаете для укрепления свободы до тех пор, пока ваши законы не будут стремиться к тому, чтобы мягкими, но действительными средствами уменьшить существующее в настоящее время чрезвычайное неравенство имуществ»¹²⁸.

По этому же пути шли и «бешеные». «Государство находится на краю гибели, — писал Леклер в № X «Друга Народа», — едва только в нем наряду с крайней нищетой появляется крайнее богатство»¹²⁹. «Отличительными чертами благодетельных установлений, — вторил ему Варле в своем «Проекте специального и императивного мандата», — являются уничтожение нищеты и постепенное устранение слишком большого неравенства богатств»¹³⁰. И соответственно этому ст. 17 составленной Варле «Торжественной декларации прав человека в общественном состоянии», между прочим, гласила: «Во всех государствах неимущие составляют большинство, и так как их свобода, безопасность и их право на индивидуальное самосохранение составляют блага, превосходящие по важности все прочие, их естественным желанием и насущнейшим правом является защитить себя от угнетения богатых, ограничив право покупки земель и уничтожив посредством справедливых мероприятий вопиющее неравенство богатств»¹³¹.

Не означает ли это совпадение ряда высказываний «бешеных» с аналогичными высказываниями якобинцев, что эгалитаризм «бешеных» ничем не отличался от эгалитаризма якобинцев, и в первую очередь робеспьеристов? Ответ на этот вопрос должен быть безусловно отрицательным. Прежде всего, необходимо отметить, что эгалитарные предложения якобинцев, в отличие от эгалитарной программы «бешеных», касались одной только земельной собственности, но отнюдь не торговой и

промышленной. Более того, и в отношении крупной земельной собственности программа робеспьеристов была в достаточной степени умеренной; об этом ясно говорит одна из составленных Сен-Жюстом незадолго до 9 термидора записок, в которой утверждается, что следует, «не производя раздела самих земель, произвести лишь раздел их аренд»¹³². И если, несмотря на эту умеренность теоретической программы, робеспьеристы оказались вынужденными в принятых ими «вантозовских законах» все же пойти на конфискацию имений контрреволюционеров, то это находит себе достаточное объяснение в широко известном утверждении того же Сен-Жюста в его докладе 8 вантоза, что «сила обстоятельств приводит нас к результатам, о которых мы ранее не думали»¹³³.

Значительно более радикальной была программа «бешеных». Мы уже видели, что Варле в ст. 17 своей «Декларации прав» требовал ограничения права покупки земель, дабы таким способом уничтожить «вопиющее неравенство богатств». Что же касается Жака Ру, то он еще в 1790 г. в своих проповедях утверждал, что «земля принадлежит в равной степени всем»¹³⁴. А в своей «Речи о причинах несчастий Французской республики» он жестоко клеймил людей, «которые отняли у коленопреклоненных перед ними несчастных все, вплоть до плодов земли, оплодотворенной их потом»¹³⁵. В прямой связи с этим стоит и предложение Жака Ру запретить «спекулянтам» и «барышникам» покупать национальные имущества¹³⁶.

Впрочем, хотя предложения «бешеных» в аграрном вопросе и шли дальше программы якобинцев, не в них заключался главный пункт их эгалитарных требований. Хотя связи между плебейскими массами французских городов и деревней в конце XVIII в. оставались еще достаточно сильными, все же в условиях граничившего с голодом резкого вздорожания цен на все продукты первой необходимости парижские санкюлоты видели в крестьянах не столько союзников в общей борьбе с феодалами, сколько людей, наживающихся за счет их голода и нужды. Мы уже отмечали, что виновниками дороговизны «бешеные» считали не только крупных землевладельцев и арендаторов, но равным образом и введенных ими в заблуждение крестьян. При таких условиях не приходится удивляться, что взгляды «бешеных» носили ярко выраженный урбанистический характер, и не случайным, конечно, было то обстоятельство, что Жак Ру, перечисляя в своей речи 25 июня 1793 г. те социаль-

¹²⁶ J.-J. Rousseau. De l'économie politique. «Oeuvres...», t. IV, p. 237.

¹²⁷ «Oeuvres de Saint-Just», éd. Vellay, t. II, p. 514.

¹²⁸ «Archives parlementaires», t. XXIV, p. 563.

¹²⁹ «L'Ami du Peuple par Leclerc de Lyon», № X, p. 5.

¹³⁰ «Projet d'un mandat spécial et impératif aux mandataires du peuple à la Convention Nationale» par Jean Varlet. «Archives parlementaires», t. LIV, p. 720.

¹³¹ «Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social», p. 18. Bibl. Nat., Lb⁴¹ 2979. Особенно много таких совпадений имеется в высказываниях «бешеных» и Эбера, что, конечно, объясняется близостью классовых природы представляемых ими элементов. См. Louis Jacob. Hébert le Père Duchesne, chef des sans-culottes. Paris. 1960, passim.

¹³² «Oeuvres de Saint-Just», t. II, p. 537.

¹³³ «Moniteur», t. XIX, p. 568.

¹³⁴ Arch. Nat., F⁷ 3664.

¹³⁵ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 20.

¹³⁶ «Le Publiciste de la République Française», № 253, p. 8.

ные элементы, представителем которых он себя считал, ни слова не говорил о крестьянах¹³⁷.

В силу указанных обстоятельств, гораздо более важное значение, нежели их расхождение в области аграрного вопроса, имеет при сравнении эгалитарных требований якобинцев и «бешеных» тот факт, что последние, в отличие от первых, имели в виду ограничение размеров не только землевладения или землепользования, но равным образом и торговой и промышленной собственности. Впрочем, в этом, как и во всем остальном, «бешеные» лишь отражали настроения самих городских плебейских масс.

Характерным примером этого может служить петиция, представленная Национальному конвенту 2 сентября 1793 г. парижской секцией Санкюлотов, бывшей секцией Ботанического сада. В этой петиции, наряду с требованием максимума цен, ограничения размеров землепользования и т. д. предлагалось:

«8. Чтобы был установлен максимум богатств.

9. Чтобы один и тот же человек мог владеть только одним таким максимумом...

11. Чтобы один человек мог иметь только одну мастерскую или одну лавку»¹³⁸.

Петиция секции Ботанического сада не была случайным и изолированным явлением, выражавшим мнение одних только ее составителей. То, что высказанные в ней пожелания действительно отражали чаяния широких кругов плебейского населения Парижа, ясно видно из того упорства, с которым зимой 1793/94 г. по городу циркулировали слухи о предстоящем издании Конвентом декрета об установлении «максимума богатств». Так, в рапорте секретного наблюдателя министерства внутренних дел Rolin за 28 нивоза II года (17 января 1794 г.) мы читаем: «Пущен слух о том, что богатства будут ограничены максимумом в двести тысяч ливров»¹³⁹. В рапорте за 10 плювиоза (29 января) тот же Rolin пишет: «Сильно опасаются сокращения богатств. Кто-то пустил слух, что в скором времени будет издан декрет об их ограничении максимумом в двести тысяч ливров»¹⁴⁰. И наконец, в рапорте от 17 плювиоза (5 февраля) другой секретный наблюдатель, Rouvrouer, отмечает, что «в группе, составленной из добрых республиканцев, говорили, что, не вводя аграрного закона, следовало бы все же установить максимум на все виды богатств... Справедливо,

¹³⁷ На основании сказанного мы считаем совершенно правильной мысль С. Л. Сытина, что «бешеные» «выражали и защищали интересы не крестьянской бедноты, а городского плебейства, и в первую очередь пролетариата» (С. Л. Сынтин. Указ. соч., стр. 267).

¹³⁸ Bibl. Nat., Lb⁴⁰ 2140.

¹³⁹ P. Caron. Paris pendant la terreur, t. III. Paris, 1943, p. 19.

¹⁴⁰ Ibid., p. 233.

говорит народ, чтобы тот, у кого имеется излишек, поделился с другими»¹⁴¹.

Совершенно в том же духе были настроены Жак Ру и другие «бешеные», которые, подобно Руссо, считали, что добиваться равенства следует «не путем отнятия богатств у тех, кто ими владеет, а путем предоставления возможности разбогатеть»¹⁴². Вот почему, несмотря на гораздо более углубленный характер эгалитаризма «бешеных» по сравнению с эгалитаризмом якобинцев, Жак Ру нигде и никогда не высказывался за отмену права собственности на средства производства. Более того, эпиграфом к печатному изданию его речи 25 июня 1793 г. были взяты слова: «Народ, ради поддержания твоих прав я презираю опасность смерти. Докажи же мне свою признательность уважением к людям и к собственности»¹⁴³.

На этой же точке зрения стояли и другие представители «бешеных». Так, Варле в том самом месте своего «Проекта специального и императивного мандата», где говорится о «постепенном изживании слишком большого неравенства богатства», торопится сразу же сделать примечание: «Говоря это, мы не имеем в виду... отмены крупных состояний, нажитых посредством тонких расчетов или смелых предприятий»¹⁴⁴. В полном соответствии с этим построена и «Торжественная декларация прав» Варле, в ст. 16 которой говорится, что право собственности «находится под защитой граждан, которые заинтересованы в его сохранении»¹⁴⁵.

Но если, таким образом, теоретические взгляды «бешеных» заставляли их призывать народ к безусловному уважению права собственности, то вместе с тем практические требования лежачего момента толкали их на путь частичного отказа от этого принципа. Подобно робеспьеристам, и «бешеные», следуя логике классовой борьбы, пошли значительно дальше того, что вытекало из их теоретических воззрений. Следствием этого явилось их требование ни перед чем не останавливающейся борьбы с «новой» буржуазией, и в частности конфискации если не всех ее богатств вообще, то во всяком случае тех, которые были нажиты посредством спекуляции, ажиотажа и барышничества.

Соображения, заставившие «бешеных» добиваться осуществления этих мероприятий, были в наиболее четком виде изложены Жаком Ру в № 253 его «Публициста Французской республики». Одобряя только что изданный Конвентом декрет

¹⁴¹ Ibid., p. 345.

¹⁴² J.-J. Rousseau. De l'économie politique. «Oeuvres...», t. IV, p. 237.

¹⁴³ «Annales Révolutionnaires», 1793, t. 5, p. 540.

¹⁴⁴ «Archives parlementaires».

¹⁴⁵ «Déclaration solennelle d

26—27 июля 1793 г. о борьбе со спекуляцией, Жак Ру затем продолжал: «Однако нельзя не отметить, что можно было бы с большей энергией расправиться с пиявками народа. *Нужно было конфисковать в пользу Республики огромные богатства эгоистов, которые в течение четырех лет накопили колоссальные суммы.* Если у спекулянтов сохраняются громадные суммы, захваченные ими с начала революции, а также национальные имущества и имущества эмигрантов, то разве это значит, что их лишили права жиреть за счет народных бедствий? Продавая им имущества эмигрантов и заговорщиков, одобряют тем самым их захваты, возвеличивают их разбой, предоставляют им возможность продавать по очень дорогой цене продукты питания и предметы первой необходимости и дают им разрешение действовать в качестве барышников, спекулянтов и мошенников. В руки врагов революции вкладывают усадьбы, поля, леса, виноградники и плоды земли, делают их распорядителями имуществом и жизнью граждан и восстанавливают аристократию богатых, более страшную, чем скипетр королей. Одним словом, этим путем идут навстречу желаниям барышников, предателей и кровопийц, ибо они с самого начала революции давили народ лишь для того, чтобы превратить свои ассигнаты в имущества. Таким образом, *чтобы расправиться со спекулянтами и всеми их прихвостнями, нужно отнять у них возможность приобретать земельные участки и прочную недвижимость,* нужно лишить их возможности вкладывать в торговлю их многочисленные ассигнаты. Нужно, одним словом, чтобы они среди своих богатств умерли, подобно Танталу, от голода и жажды» (курсив наш.— Я. З.)¹⁴⁶.

Конфискованные у спекулянтов и барышников имущества должны быть использованы для помощи неимущим — соответствующее предложение было сделано Жаком Ру еще в его «Речи о причинах несчастий Французской республики»:

«Вы нанесете удар кровожадным людям, которые из поколения в поколение нарушали естественное право, присваивая себе кровь граждан. Вы заставите их возвратить богатства, которые они смогли захватить, лишь тысячу раз подвергая себя опасности умереть на эшафоте.

Богачи, вы посредством монополии стали источником голода и страданий, вы отняли у коленопреклоненных перед вами несчастных все, вплоть до плодов земли, оплодотворенной их потом. Но вы недаром содержали эмигрантов и скопляли продукты и звонкую монету, недаром были банкирами и агентами контрреволюции. Ваши громадные состояния, возникновением которых вы обязаны вашей власти, вашим грабежам, вашим бесчисленным преступлениям, будут распределены среди покры-

тых почетными ранами воинов, которые до сих пор ели лишь грубый хлеб, омоченный их слезами. Ваши состояния послужат для поддержки матерей, которые пожертвовали свободой своих детей и в награду за свою добродетель вынуждены унижаться, прося милостыню... Ваше золото возвратится к своему первоначальному источнику, и средства, предназначенные вами на поддержку опасных брожений и свержение здания республиканских законов..., будут внесены в кассу всеобщей благотворительности и послужат, таким образом, для подавления восстаний»¹⁴⁷.

Такое же точно предложение находим мы у Варле, в ст. 20 «Торжественной декларации прав человека», которая гласит, что «имущества, накопленные за счет общественного благополучия посредством воровства, спекуляции, монополий и барышничества, подлежат обращению в национальную собственность, как только общество получит неопровержимые доказательства их злого происхождения»¹⁴⁸.

Подводя теперь итог всему вышесказанному, следует отметить, что как план Леклера о национализации торговли предметами первой необходимости с бесплатной раздачей их бедным за счет богатых, так и вся вообще социальная-экономическая программа «бешеных», столь противоположная принципиальному фронтредерству не только жирондистов, но и якобинцев, придавали эгалитаризму «бешеных» такой углубленный характер, при котором он уже непосредственно граничил с социализмом. Но это еще не все: в программе «бешеных» наряду с уже известными нам эгалитарными требованиями имелся и один элемент прямо социалистического характера. Действительно, в своем «Проекте специального и императивного мандата» Варле, выдвинув как ряд пунктов общедемократического характера¹⁴⁹, так и столь характерные для «бешеных» требования установления смертной казни за спекуляцию и конфискацию имущества спекулянтов¹⁵⁰, далее продолжает:

«Формулируя пункты общественного договора, вы должны стремиться *создать общину (une communauté), каждый член которой должен получать лишь в меру того, что он ей дает*» (курсив наш.— Я. З.)¹⁵¹.

Правда, это положение Варле тут же ограничивает оговоркой, что он не имеет в виду «отмены крупных состояний, нажитых посредством тонких расчетов или смелых предприятий» и хочет, «чтобы частные состояния, нажитые посредством спекуляции, монополий и барышничества, не создавались за счет

¹⁴⁷ «Discours sur les causes des malheurs de la République Française», p. 20.

¹⁴⁸ «Déclaration solennelle des droits de l'homme dans l'état social», p. 19.

¹⁴⁹ «Archives parlementaires», t. LIV, p. 719—722.

¹⁵⁰ Ibid., p. 721, 722.

¹⁵¹ Ibid., p. 720.

народных бедствий»¹⁵². Правда и то, что высказав ранней осенью 1792 г. (когда был составлен «Проект специального и императивного мандата»), свое в достаточной мере неопределенное требование о создании общины, каждый член которой будет получать лишь в меру того, что он ей дает, Варле в дальнейшем его никогда не повторял. Тем не менее факт остается фактом, и поэтому наличие среди прочих требований «бешеных» предложения Варле, равносильного провозглашению принципа «каждому по его труду», дает дополнительное основание утверждать, что эгалитаризм «бешеных», резко отличаясь от эгалитаризма Жан-Жака Руссо и его ортодоксальных последователей — якобинцев, действительно содействовал возникновению идеи, которая «при ее последовательной разработке есть идея нового мирового порядка». Однако вплотную подойдя к грани, отделяющей эгалитаризм от социализма, перешагнуть через эту грань «бешеные» в общем и целом все же не смогли. Это сделал только Бабеф.

¹⁵² «Archives parlementaires», t. LIV, p. 720.

Тематические материалы:

Я.Захер. «Бешеные», их деятельность и историческое значение

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_enrages.pdf

Я.Захер. Движение «бешеных»

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/zakher_enrages.pdf

Я.Захер. Бабеф и «бешеные»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/babeuf_zakher_fe-60.pdf

Я.Захер. Жак Ру и якобинская конституция 1793 г.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_roux.pdf

Я.Захер. Жан Варле во время якобинской диктатуры

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakh_varlet.pdf

Я.Захер. Последние работы (с предисл. А.Гордона)

Общество революционных республиканок 1793 г.

и его борьба с якобинцами. Жак Ру в 1792 г.

О двух темных местах ранней биографии Жака Ру

http://enlightment2005.narod.ru/arc/zakher_last.pdf

Я.Захер. Последний период деятельности Жака Ру

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_roux58.pdf

Я.Захер. Теофиль Леклерк и его «Друг народа»

http://vive-liberta.narod.ru/journal/zakher_leclerc.pdf

Т.Солтановская. Ж.-П.Марат и «бешеные» весной 1793 г.

http://vive-liberta.narod.ru/journal/soltan_marat.pdf

А.Собуль. Политические аспекты санкюлотской демократии

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/soboul_dem.pdf

А.Собуль. Секционеры и бабувисты, их социальный состав

http://vive-liberta.narod.ru/journal/babeuf_soboul_fe-60.pdf

В.Волгин. Французский утопический коммунизм:

к 200-летию со дня рождения Гракха Бабефа

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70215973.htm>